

ПРОБЛЕМЫ ДВУЯЗЫЧНОЙ НЕМЕЦКО-РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Е. А. КОНДАКОВА, Е. В. МОРОЗОВА

(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)

НА ПУТИ К АКАДЕМИЧЕСКОМУ НЕМЕЦКО-РУССКОМУ СЛОВАРЮ: В ПОИСКАХ ИНСТРУМЕНТОВ ПРЕОДОЛЕНИЯ СЛОВАРНОЙ ИНЕРТНОСТИ¹

Неполнота двуязычных словарей является общеизвестной и признанной всеми лексикографами проблемой. Авторы трудов по современной двуязычной лексикографии отмечают явно недостаточное количество работ, в которых рассматриваются конкретные практические пути решения этой проблемы, существующие же статьи и монографии содержат в массе своей примеры на материале английского языка [Хавкин 2016: 6].

Создание двуязычного переводного академического словаря — чрезвычайно сложная задача, решение которой требует ответов на многие вопросы.

Если от академического словаря ожидается большой объем словарика, должен ли этот количественный параметр быть основным отличием от большого неакадемического двуязычного словаря? Или, может быть, академичность должна проявляться в первую очередь в расширении и концептуальном единстве грамматической и помеченной зон словарной статьи? Тогда в чем будет заключаться специфика такого словарного издания по сравнению с хорошим грамматическим справочником? Может быть, академичность предполагает особую глубину семантизации лексических единиц, при которой помимо денотативных, ситуационных и (или) знаковых связей будут дополнительно указываться также сигнификативные и фоновые? Или же академический двуязычный словарь должен в первую очередь удовлетворить желание пользователя получить как можно более полный список переводных эквивалентов и примеров актуаль-

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 160400291.

ного словоупотребления? Это далеко не полный список вопросов, возникающих в процессе работы.

Сложность создания академического двуязычного словаря обусловлена не только актуальными трудностями современной двуязычной лексикографии, но и прежде всего тем, что основу академической лексикографии традиционно составляют толковые словари того или иного языка. Они представляют собой наиболее полные справочные филологические издания, фиксирующие орфографическую, грамматическую, иногда также орфоэпическую и стилистическую нормы литературного языка. Академический толковый словарь описывает лексические единицы того или иного языка, максимально полно раскрывая их семантику и отражая особенности фразеологического употребления. В связи с этим толковый словарь предполагает цитацию художественных и публицистических произведений и является в конечном итоге достаточно полной документацией употребления разных единиц языка в разные исторические эпохи. Таким образом, академичность словарей толкового типа предполагает максимально возможную теоретическую разработанность, полноту охвата словника, тщательность семантизации и документально-справочный характер.

На этом фоне академичность двуязычного словаря на первый взгляд может показаться сомнительной, хотя бы исходя из преимущественно прикладного характера двуязычной переводной лексикографии.

В классическом представлении прикладные и академические науки отличаются не только методами и подходами, но и своей основной целью: академическая наука нацелена на создание нового знания вне зависимости от сиюминутных прикладных задач, прикладная наука — на апробацию уже существующего научного знания применительно к решению именно таких задач. В идеале прикладное исследование должно опираться на уже апробированную теоретическую парадигму. Очевидно, что в этом смысле переводной двуязычный словарь может претендовать на статус академического только при условии, если он стремится соответствовать определенным параметрам академичности. К таким параметрам может быть отнесена концептуальность, то есть тщательная предварительная разработанность комплекса ключевых теоретических и инструментальных положений, ориентированность на долгосрочные цели и высокий уровень лингвистического обобщения. Создание двуязычного словаря, отвечающего подобным требованиям, — задача хоть и сложная, но вполне выполнимая. Тем более что сама попытка отразить соотношение двух языковых систем через призму детальной семантизации лексики одного языка средствами другого никак не противоречит принципам академичности, так как ничто не мешает словарной статье вместить в себя как лингвистическое описание лексической единицы на основании серьезной теоретической базы,

так и примеры ее живого употребления. Что касается последнего, нужно помнить о том, что, в отличие от толкового словаря, ценность двуязычного словаря для пользователя заключается в том, что такой словарь не документирует «принадлежность и употребление данной единицы к исходному языку» [Влахов 1988: 76], а фиксирует актуальные нормы словоупотребления. Иными словами, пользователь, обращаясь к двуязычному словарю, ожидает увидеть актуальные значения и иллюстративные примеры, взятые из живого языка, а не из классической художественной литературы разных эпох. Тем более что современные компьютерные технологии максимально облегчают лексикографу данную задачу. Таким образом, мы не видим противоречия в придании статуса академичности двуязычному переводному словарю при условии, что он гармонично сочетает в себе, с одной стороны, многостороннее лингвистическое описание лексической единицы и, с другой, ее комплексную семантизацию, осуществляемую за счет тщательного отбора переводных эквивалентов и иллюстративных примеров с учетом живого употребления. Следовательно, двуязычный словарь академического типа может и должен отличаться расширенной и максимально унифицированной грамматической, пометочной и иллюстративной зонами словарной статьи.

Академический статус двуязычного словаря, с другой стороны, не должен негативно отразиться на его прикладном характере, свойственном всем переводным словарям. Прикладной характер требует наличия четких инструментальных представлений об отборе лексикографических единиц, способах и алгоритме их семантизации, объеме и качестве иллюстративного материала, соотношении эквивалентного и контекстуального перевода в словарной статье и т. д. Специфика двуязычной лексикографии как прикладной области лингвистического знания заключается в том, что она не может себе позволить держать вне поля зрения спорные или неоднозначные с теоретической точки зрения вопросы, не предлагая пользователю ответов. В. П. Берков, рассуждая о соотношении лексикографии со смежными разделами языкознания, обращает внимание на то, что «лексикография как практическая деятельность по фронтальному описанию лексики отдельного языка не может подобно некоторым лингвистическим дисциплинам ограничиваться констатацией спорности решений той или иной лингвистической проблемы или вообще отсутствия у нее удовлетворительных решений, но, напротив, вынуждена так или иначе все эти спорные проблемы решать, не дожидаясь, когда языкознание даст на них ответ» [Берков 2004: 15]. Поиск и нахождение ответов на эти вопросы и составляет суть тех инструментальных представлений, которыми руководствуется в своей работе лексикограф, создающий новый словарь или актуализирующий предыдущую версию уже существующего.

Подобная задача кажется несовместимой с основным принципом академичности: предлагая решение спорных вопросов зача-

стью частного характера, двуязычный переводной словарь скорее полностью соответствует классическим представлениям о прикладном исследовании, нежели об академическом. Однако вряд ли можно оспорить тот факт, что словарю, претендующему на статус академического, должна предшествовать тщательная инвентаризация лексико-семантических и грамматических явлений того или иного языка. Причем при создании двуязычного переводного словаря это должно быть сделано с учетом их иноязычной проекции. Трудно представить себе более благоприятные условия для лингвистического обобщения академического уровня, чем работа над столь тщательной лексикографической интерпретацией максимально возможного количества лексических единиц.

Помимо обозначенных проблем, обусловленных стремлением создать словарь академического типа, редактирование и обновление любого словаря связано с другими, вполне очевидными сложностями. Независимо от того, вызвана ли работа над новой версией словаря необходимостью изменить количество лексических единиц или необходимостью изменить функциональный статус словаря, такая работа в любом случае предполагает актуализацию уже существующей версии, продиктованную стремлением наиболее полно отразить живые нормы современного литературного языка. При всей очевидности данного положения лексикографы и пользователи сталкиваются со следующим противоречием. Пользователь ожидает от двуязычного словаря актуальных значений слова. Лексикограф также отчетливо осознает необходимость соотносить содержание словарных статей с актуальной нормой. Однако в реальности мы наблюдаем следующую картину: значения, потерявшие актуальность, а порой и просто неверные, «кочуют» из одного словаря в другой и из одной версии в другую. Таким образом, содержание, от которого все ожидают актуальности, демонстрирует инертность.

Для преодоления этой инертности необходим соответствующий редакторский инструментарий, применимый как к количественной, так и к качественной обработке существующей версии. Этот инструментарий, то есть система методических и технических приемов редактирования, отражает в конечном итоге все те концептуальные проблемы и вопросы, которые авторам и редакторам приходится решать на любом этапе работы.

Во-первых, редактору необходимо отбирать лексические единицы, которые войдут в словарь, и те, которые должны быть изъяты из редактируемой версии по разным причинам. При этом отдельной проблемой является вопрос о степени присутствия в двуязычном академическом словаре терминологической лексики. Во-вторых, редактору предстоит отобрать в процессе работы наиболее релевантный иллюстративный материал, под которым понимаются как устойчивые словосочетания, так и сконструированные самим лексикографом иллюстративные примеры функционирования сло-

ва в наиболее оптимальной для него речевой среде, наиболее полно раскрывающие то или иное значение слова. В-третьих, должна быть отредактирована семантическая разработка слова. Редактору необходимо определиться с порядком следования значений многозначных слов, расположить лексико-семантические варианты в последовательности, соответствующей задачам словаря, включить или изъять отдельные значения в соответствии с актуальной нормой. В-четвертых, часто приходится уточнять информацию о стилистической принадлежности той или иной лексической единицы. Как известно, такая информация фиксируется в словарях при помощи специальных помет. Система словарных помет, в свою очередь, является также дискуссионным вопросом — как в количественном, так и в качественном отношении.

Нетрудно заметить, что даже такое беглое перечисление составляющих редакторской работы отражает хорошо известную проблематику лексикографических дискуссий. Рассмотрим подробнее некоторые перечисленные выше составляющие редакторского инструментария на примере работы над академическим немецко-русским словарем.

Включение или изъятие той или иной лексической единицы может происходить по разным причинам. Очевидно, что слово изымается из словаря, если оно практически не употребляется в языке, являясь узкоспециальным или узкорегionalным. Слово может устареть настолько, что полностью выпадает из языка и оказывается практически лишним для современной языковой коммуникации даже на фоне тех устаревших слов, которые сохранили свою коммуникативную релевантность хотя бы частично. Слово, чаще всего английское, может активно употребляться в немецком языке, не утратив, однако, своей принадлежности к другому языку и не став полноправной частью словарного состава немецкого языка, например, *Kaffee to go* (*Kaffee zum Mitnehmen*), *mega happy* (*überglücklich*), *information officer* (*Leiter/in des Rechenzentrums*). «Вычислить» такие слова иногда можно по отсутствию их грамматической и фонетической адаптации. Часто употребление таких слов — дань моде, естественное отражение процессов глобализации или же, в академической среде, например, — желание продемонстрировать свою позицию „*ich bin gebildet und international*“ [Kotthoff 2011]. Вопрос о включении подобных слов в актуальный двуязычный словарь зависит от их дальнейшей коммуникативной судьбы в лексической системе немецкого языка. Очевидно, что современные компьютерные технологии позволяют быстро оценить употребительность того или иного слова, в том числе и за пределами художественной литературы.

Следует отметить, что к вопросу об исключении той или иной лексической единицы следует относиться очень осторожно, тем более что академический словарь не имеет существенных ограниче-

ний по объему и должен представлять лексический состав языка как можно в более полном виде.

Обратимся к примерам, полученным в процессе работы над академическим немецко-русским словарем, создаваемым на базе трехтомного Нового большого немецко-русского словаря под общим руководством Д. О. Добровольского [НБНС 2008—2010]. Из словаря были исключены отдельные лексические единицы по причине почти полного отсутствия примеров их употребления. Так, например, такой, казалось бы, прозрачный и понятный в своей внутренней форме композит, как *gewächereich* ‘богатый растительностью’ неожиданным образом продемонстрировал почти полное отсутствие примеров употребления в немецком языке, в том числе и в старых текстах. То же самое касается и следующих лексических единиц: *Gabelfrühstück* ‘второй завтрак (сервируемый б. ч. во время торжественных приемов, когда к холодным закускам подаются еще алкогольные напитки)’, *Gaskonade* ‘хвостовство, бахвальство’, *Galion* ‘носовое украшение (корабля)’, *ganzwollen* ‘из чистой шерсти’. Также пришлось исключить отдельные слова узкой диалектной принадлежности, употребление которых в общелитературном языке невозможно документировать, например, баварские и австрийские глаголы *gasseln*, *gässeln* ‘влезать ночью в окно (к девушке)’.

Особого упоминания заслуживают также случаи, когда слово приходится исключать из-за того, что оно не является единицей лексического состава немецкого языка, а появилось в результате калькирования русского слова или словосочетания, обозначающего реалии определенной, как правило, советской эпохи. Нужно подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о словах, обозначающих реалии той эпохи, которые должны остаться в словаре, снабженные пометой *ист.* (*историзм*), а именно о кальках, таких как, например, *Gewächshauskombinat* ‘тепличный комбинат’. Аналогичным образом дело обстоит и со словами, обычно композитами, появившимися явно искусственным образом и по разным причинам так и не ставшими фактом словарного состава немецкого языка. Такие слова, по-видимому, отличаются функциональной нецелесообразностью даже в рамках отдельных терминологических подсистем, и эта нецелесообразность не позволяет окказиональному новообразованию со временем приобрести статус неологизма. Вышесказанное, в частности, касается как терминологических окказионализмов, так и индивидуально-авторских. Так, слово *Gesundheitsphysikgruppe* ‘группа дозиметрического контроля’ пришлось изъять из редактируемой версии словаря из-за отсутствия документированных контекстов употребления.

Переносное значение слова *Geweihrträger* ‘настоящий мужчина, мачо’ стало предметом дискуссии: в ходе обсуждения лексикографической рабочей группе не удалось прийти к однозначному решению о включении данного значения слова в словарь. С нашей точки зрения, значение ‘настоящий мужчина, мачо’, пусть оккази-

ональное и не так часто встречающееся, должно быть включено в словарную статью *Geweihrträger*. Преодолевая неполноту двуязычных словарей, имеет смысл «фиксировать любые найденные в самых различных оригинальных источниках (случайно и/или в результате целенаправленного поиска) слова, отдельные значения слов, словосочетаний <...> с обязательным приведением иллюстративных фрагментов <...> с тем чтобы подтвердить для пользователя правомерность использования предложенного переводного эквивалента» [Хавкин 2016: 6]. В пользу включения данного значения в словарь говорят и примеры употребления слова *Geweihrträger* именно в вышеуказанном значении в текстах, посвященных, например, временной гендерной психологии или вопросам карьерного роста².

Забегая вперед, хотелось бы сразу отметить также и необходимость изымать иллюстративные примеры, обладающие неуместной с точки зрения современной общественно-политической жизни идеологической окрашенностью. Такие примеры следует заменять на актуальные, отражающие современную реальность. Иллюстративный пример должен быть максимально понятен для пользователя, а неактуальный контекст, снабжая значение слова лишней идеологической коннотацией, может затруднить понимание. Так, очевидно, что приведенные в словарной статье *Gesellschaft* примеры, иллюстрирующие значение ‘общество’ и значение ‘объединение, союз’, *die klassenlose Gesellschaft* ‘бесклассовое общество’, *die kommunistische Gesellschaft* ‘коммунистическое общество’, *die Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft* ‘общество германо-советской дружбы (ГДР)’, требовали идеологического «обновления» и были соответственно заменены на *die multikulturelle Gesellschaft* *полит.* ‘мультикультурное общество’ и *die Gesellschaft zur Förderung sozialer Innovationen* ‘общество поддержки социальных инноваций’. Аналогичным образом примеры словарной статьи *gesellschaftlich*, иллюстрирующие значение ‘общественный, социальный’, *gesellschaftliche Aktivität* ‘общественная активность’ и *gesellschaftliche Arbeit* ‘общественная работа’, были заменены на *gesellschaftliche Herausforderung* ‘первоочередная задача, стоящая перед обществом’ и *gesellschaftliches Engagement* ‘социальная активность’ и дополнены примером *ein gesellschaftlicher Wandel* ‘социальные изменения’.

Идеологическая маркированность приведенных словосочетаний как редактируемой, так и новой (академической) версии словаря лежит на поверхности. Однако существуют и такие примеры, идеологическая, а отчасти и стилистическая некорректность которых с точки зрения современного словоупотребления требует особой внимательности от редактора. Например, словарная статья *Garaus re-*

²См., в частности, „Macho versus Softie: Der Geweihrträger hat ausgedient“ — название статьи онлайн-версии журнала „Der Spiegel“ — URL: <http://www.spiegel.de/panorama/gesellschaft/macho-versus-softie-der-geweihrtraeger-hat-ausgedient-a-361982.html>

дактируемой версии содержала иллюстративный пример *dem Nazismus wurde der Garaus gemacht* 'с нацизмом было покончено навеки'. Такой пример не отражает актуального употребления выражения *jmdm. den Garaus machen*, а является иллюстрацией политической риторики ушедшей эпохи, неудачной еще и в том отношении, что в современном немецком языке это выражение употребляется преимущественно в разговорной речи и не лишено иронично-шутливой коннотации. Его современное использование в публицистических текстах общественно-политической тематики является, скорее, вторичным.

Параллельно с заменой иллюстративных примеров, обладающих устаревшей идеологической окраской, необходимо также восполнять лексикографические лакуны, то есть включать в словник единицы, которые отсутствовали в редактируемой версии словаря опять-таки по идеологическим соображениям. В качестве примера можно привести слова *Gesinnungsjustiz* 'судебное преследование инакомыслящих; судебное преследование за (политические) убеждения', *Gesinnungsprozess* 'политический судебный процесс'. Эти примеры являются еще одной иллюстрацией важной составляющей работы по актуализации содержания любого словаря, которая заключается в корректировке культурно-ценностной информации и приведении ее в соответствие актуальному историческому периоду.

Особой проблемой при создании и редактировании словарной версии является вопрос о включении или невключении в словник терминологической лексики. Очевидно, что подлежат изъятию из словаря узкоспециальные термины, требующие для пользователя, который не является специалистом в данной области, не просто перевода, а пространного специального комментария. Это такие слова, как термин из области горного дела *Getriebeverfahren* 'способ проходки с забивной крепью' и технический термин *Getriebestock* *tex.* 'цевочная шестерня'. Изыматься из словаря может не все слово, а одно из его значений, например, узкоспециальное значение из области кожаного дела 'лайковый обжор' у слова *Gate*. Одним из аргументов в пользу изъятия узкоспециальных терминов из редактируемой версии словаря является тот факт, что именно такие слова и значения наиболее сложно верифицировать даже в современных дигитальных условиях. Следовательно, при их семантизации возможны ошибки и неточности, которых следует избегать в любом лексикографическом описании, тем более что лексикографизация терминов, как правило, имеет ярко выраженный прикладной характер.

С другой стороны, некоторые узкоспециальные значения слова участвуют в образовании большого количества композитов. Изъятие из редактируемой версии словаря подобных значений неизбежно повлечет за собой изъятие целых словарных гнезд, а их включение в словарь могло бы продемонстрировать пользователю большую терминотворческую продуктивность данной единицы. Так, напри-

мер, слово *Geschiebe* имеет, помимо значения 'давка, толкотня' значение *геол.* 'обломки пород в моренах, донные наносы, моренный материал', узкий терминологический статус которого очевиден. Это соображение могло бы стать основанием для изъятия данного значения из словаря, не являющегося специальным. Однако это заставило бы изъять целое словарное гнездо, содержащее такие композиты, как *Geschiebeführung гидр.* 'движение [расход] донных наносов', *Geschiebeherd гидр.* 'место массового отложения донных наносов', *Geschiebelehm геол.* 'валунная глина', *Geschiebemenge гидр.* 'расход донных наносов' и т. д. (всего одиннадцать композитов). Невключение в словарь такого объемного словарного гнезда, пусть даже и состоящего из преимущественно узкоспециальных слов, с нашей точки зрения, существенным образом обеднило бы словник, поскольку лишило бы пользователя возможности оценить терминологическую «активность» корня *Geschiebe*.

Из аналогичных соображений представляется целесообразным не изымать из редактируемой версии слова, лексико-семантические варианты которых являются терминами совершенно разных предметных областей, как, например, слово *Gesenk*. Оно используется как технический термин со значением 'ковочный штамп, пресс-штемпель, пуансон', как заимствованный из немецкого языка термин горного дела со значением 'гезенк' (вертикальная подземная горная выработка, не имеющая непосредственного выхода на земную поверхность), а также в значениях, близких к терминологическим: 'грузило' в рыболовстве и 'отросток, чубук' в виноградарстве. Так же дело обстоит и с отдельными терминологическими значениями слова *Gare*. Приведем в качестве примера часть словарной статьи, раскрывающую специальные значения этого существительного: *G'are f* = 1. *кул.* гот'овность; 2. *с.-х.* приг'одность к возд'ельванию [обработке], гот'овность к всп'ашке [п'ахоте] (о почве), плодор'одность; 3. *спец.* зр'елость, сп'елость.

Включение узкоспециальных терминов в словарное гнездо и приведение отдельных узкоспециальных значений слов не только демонстрирует пользователю терминологический потенциал слов и корней, но и способствует более детальной семантизации заглавного слова, так как позволяет уточнить отдельные составляющие денотативного значения, являющиеся основанием для использования данного слова или корня в различных предметных областях. Таким образом, вопрос о включении узкоспециальных терминов в академическую версию немецко-русского словаря является более сложным, чем может показаться на первый взгляд. Этот вопрос следует решать не только с точки зрения основных лексикографических параметров словаря, изымая узкоспециальные термины из словаря академического и адресуя их словарям специальным, но и с точки зрения более широких представлений о возможной пользе такой словарной единицы для пользователя.

Отдельным дискуссионным вопросом, имеющим непосредственное отношение к процессу редактирования словарной версии, является вопрос о дополнении словника неологизмами. Для академического словаря этот вопрос является очень сложным, поскольку в таком словаре не должно содержаться языковых фактов, которые бы противоречили актуальному употреблению слов и выражений. Так, например, в редактируемую версию словаря были включены слова *Gap-Analyse* и *Gammelfleisch*. Слово *Gammelfleisch* вошло в активный коммуникативный обиход в период с октября 2005 г. по март 2006 г. в связи с серией скандалов в Германии, связанных с продажей некачественного мяса. Любопытно, что Общество немецкого языка включило это слово в список „*Wörter des Jahres*“ 2005 г., присвоив ему пятую позицию. Ассоциация *Gammelbeat GbR* даже запатентовала слово *Gammelfleisch* как объект интеллектуальной собственности. О том, что слово прочно вошло в словарный состав современного немецкого языка, свидетельствует также его развивающаяся продуктивность в образовании субстантивных композитов, таких как *Gammelfleischland* *эвф.* ‘Германия’, *Gammelfleischclub* *мол. жарг.* ‘клуб для тех, кому за тридцать’, *Gammelfleischparty* *мол. жарг.* ‘вечеринка для тех, кому за тридцать’. *Gammelfleischparty* было даже названо молодежным словом 2008 г. в рамках проекта издательства „*Langenscheidt*“, которое ежегодно в ходе интернет-голосования определяет список наиболее значимых и популярных слов молодежного сленга. Вопрос о включении в академический словарь всех перечисленных композитов, по-видимому, пока что поднимать рано — в настоящее время еще сложно сказать, станут ли они фактами лексической системы немецкого языка или просто останутся модными словами на непродолжительный период времени. Однако очевидно, что само слово *Gammelfleisch* должно быть включено в словарь.

Иногда расширение отдельных сегментов словника происходит не за счет неологизмов, а за счет слов, уже существовавших в немецком языке, но не включенных в редактируемую версию словаря. Необходимость их включения в новую версию может быть обусловлена различными причинами: сдвигом или расширением значения слова, возросшей употребительностью, изменившимся статусом означаемого в общественной жизни или, например, в переводном двуязычном словаре, особой сложностью подбора переводного эквивалента. В качестве иллюстрации можно привести сложные слова с компонентом *Gewerbe*, список которых был расширен композитами *Gewerbeamt* ‘департамент предпринимательства, ведомство по вопросам предпринимательства (ФРГ)’, *Gewerbeanmeldung* ‘(государственная) регистрация предпринимательской деятельности’, *Gewerbeaufsicht* ‘трудовой и экологический аудит (предприятия), надзор над соблюдением прав потребителей’, *Gewerbefreiheit* *юр.* ‘свобода предпринимательства [предпринимательской деятельности]’. Такое существенное расширение словарного гнезда объясняется огромной

ролью предпринимательской деятельности в современной рыночной экономике, детальной регламентацией предпринимательства со стороны законодательства и, как следствие, возросшей коммуникативной значимостью и употребительностью слов с корнем *Gewerbe*. Хотелось бы также отметить, что судьба слова *Gewerbe*, его производных и содержащих этот компонент композитов как в толковых, так и в переводных двуязычных словарях может составить предмет отдельного исследования.

Перейдем к вопросам редактирования иллюстративной части словарной статьи, то есть к отбору устойчивых словосочетаний для максимально подробной семантизации слова и описания его функционирования в максимально оптимальной для него среде. Касаясь вопроса коллокаций, следует отметить, что даже применительно к академической версии словаря на первый план выходят не теоретические критерии отбора лексического материала, а совершенно другие соображения. В центре внимания лексикографа должны находиться ожидания пользователя касательно полного раскрытия значения слова и его употребления. От двуязычного словаря пользователь ожидает примеров, хороших и разных. Крупные теоретики лексикографии, такие как Л. В. Щерба, также отмечают преимущество конкретных примеров: «Не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров!» [Щерба 1974: 285].

В идеале в рамках академического двуязычного словаря должны быть представлены все виды сочетаемости: лексическая, семантическая, грамматическая и синтаксическая. Решить эту задачу можно только используя комплексный подход, а именно раскрывая и описывая значение слова через релевантные коллокации, сконструированные лексикографом иллюстративные примеры свернутого и развернутого типа и фразеологические единицы. Благодаря развитию компьютерных информационных технологий лексикографы получили доступ к огромному количеству источников, из которых можно черпать материал при создании и редактировании словарей. Речь идет не только о корпусных технологиях современной лингвистики, но и о мощном потенциале современных поисковых систем, таких как Google и Yandex. Чтобы максимально использовать их возможности, лексикограф должен уметь сформулировать правильный запрос, то есть выстроить верный алгоритм поиска, а в отдельных случаях найти уникальный способ «добыть» нужную информацию. «При этом сама процедура определения значения большинства слов в словаре требует больших навыков, врожденного дарования, большого вкуса, стилистического мастерства и во многом, действительно, представляет собой особое искусство толкования текста, которое, исключая определение терминов и топонимов, не может пока быть заменено никаким компьютером» [Герд 1997: 195]. Современная эпоха — уникальное в своем потенциале время для лексикографической деятельности: информационные технологии, возможности

компьютерной и корпусной лингвистики позволяют авторам и редакторам словарей оперативно и качественно решать самые разнообразные проблемы, а главное — верифицировать собственные предположения, основанные на интуиции и языковом чутье.

Обратимся к примерам. Иногда в словарной статье отсутствуют коллокации наиболее релевантного для пользователя типа. Это касается, в частности, глагольно-именных сочетаний на базе функционального глагола, таких как *das Gespräch in Gang halten* ‘поддерживать беседу [разговор]’, *das Gespräch an sich reißen* ‘завладеть разговором, не давать другим говорить’, *für Gesprächsstoff sorgen* ‘широко обсуждаться, стать предметом (всеобщего) обсуждения’, *jmdn. in Gewahrsam nehmen* ‘задержать кого-л., взять кого-л. под стражу’, *ein Gewerbe betreiben* [ausüben] ‘заниматься предпринимательской деятельностью, иметь свой бизнес’, *an jmdm., etw. (D) Gewalt ausüben* [verüben] ‘применять насилие [силу] в отношении кого-л., чего-л.’ Очевидно, что подобные пробелы крайне нежелательны и должны быть восполнены. Аналогичным образом вносятся коррективы, отражающие грамматическую сочетаемость слова, например, словосочетание *dem Tod geweiht*. Включая данный иллюстративный пример в словарную статью слова *geweiht*, редактор вполне может абстрагироваться от теоретических дискуссий относительно принадлежности слова *geweiht* к той или иной части речи. Редактору следует также тщательно проверять грамматическую специфику некоторых идиом, которую можно условно отнести к грамматической сочетаемости. Рассмотрим значение и употребление идиомы *jmdm. ins Gesicht springen*. В одном из разделов своей монографии «Беседы о немецком слове», посвященном лексикографическому описанию фразеологии, Д. О. Добровольский обращает внимание на то, что значение данной идиомы зависит от заполнения ее субъектной валентности. При использовании идиомы в значении ‘резко выделяться, обращать на себя чье-л. внимание’ субъект выражен преимущественно именем существительным неодушевленным, а значение ‘набрасываться на кого-л. (с кулаками), нападать на кого-л.’ предполагает одушевленность субъекта действия. Д. О. Добровольский считает, что «в подобных случаях описание каждого значения идиомы целесообразно предварять ее пропозициональной формой» [Добровольский 2013: 582]. Однако в последнем случае приведение пропозициональной формы не позволяет отразить все особенности употребления данной идиомы во втором значении. Дело в том, что в значении ‘набрасываться на кого-л. (с кулаками), нападать на кого-л.’ в состав идиомы часто входят наречия *fast* или *beinahe*, а сама идиома употребляется преимущественно в сослагательном наклонении. Таким образом, лексикографическое описание идиомы должно быть дополнено отражающим эту грамматическую особенность иллюстративным примером с вербальной финитной формой *er wäre mir beinahe ins Gesicht gesprungen* ‘он чуть было не набросился на меня (с кулаками)’.

Отдельного внимания заслуживают иллюстративные примеры, раскрывающие семантическую сочетаемость слов. Некоторые примеры редактируемой версии, несмотря на частотность их употребления, никак не отражают особенности семантического взаимодействия слов и, с нашей точки зрения, являются просто лишними, как словосочетание *ein hübsches Gesicht* ‘красивое лицо’. В то же время представляется целесообразным включить в словарную статью иллюстративные словосочетания, без которых семантическое описание слова было бы неполным. Например, в словарной статье *Garten* отсутствовали словосочетания *botanischer Garten* и *zoologischer Garten*, необходимость добавления которых не вызывает сомнений. Пример *botanischer Garten* ‘ботанический сад’ демонстрирует пользователю эквивалентное отношение между соответствующими лексическими единицами в немецком и русском языках. Однако его включение в словарную статью было бы бессмысленным при отсутствии примера *zoologischer Garten* ‘зоопарк’, который демонстрирует пользователю существенные расхождения между исходным языком и языком перевода, то есть иллюстрирует особенность лексической системы немецкого языка с точки зрения лексической системы русского языка. Зоологическим в современном русском языке может быть назван только парк, но не сад, при этом в современном словоупотреблении привычно используется композит ‘зоопарк’, а слово ‘зоосад’ практически не употребляется. Аналогичным образом в словарную статью *geschützt* был добавлен пример *geschützte Wälder* ‘заповедные леса’ на значение ‘охраняемый, находящийся под защитой’, в статью *gesperrt* ‘закрытый, загороженный, заблокированный, перекрытый’ — пример *ein gesperrter Schwimmer* ‘дисквалифицированный [отстраненный от соревнований] пловец’, в статью *gestaut* — примеры *gestaute Aggressionen* ‘накопленная агрессия’, *gestaute Emotionen* ‘подавленные [сдерживаемые] эмоции’.

Подобные примеры сочетаемости демонстрируют реализацию значений слов за пределами переводного эквивалента и, следовательно, являются необходимыми инструментами исчерпывающей семантизации словарной единицы в словаре академического типа. В некоторых словарных статьях они являются не просто необходимыми, но, с нашей точки зрения, основными инструментами лексикографической интерпретации. Например, значения слова *Gestaltung* ‘оформление, отделка, дизайн, решение, трактовка, организация, конструирование’ обладают определенной аморфностью и должны быть конкретизированы иллюстративным материалом, таким как *die musikalische Gestaltung* ‘интерпретация музыкального произведения’, *die architektonische Gestaltung einer Fassade* ‘архитектурное решение фасада’, *die Gestaltung der Freizeit* ‘организация досуга’, *die Gestaltung der Beziehungen* ‘налаживание [выстраивание] отношений’. В данном случае семантизация слова возможна только при помощи иллюстраций условий реализации его значений.

Более прикладное значение для пользователя имеют иллюстративные примеры лексической сочетаемости. Так, включение в словарную статью *Gewalt* словосочетания *Gewalten der Natur* знакомит пользователя с правильным и единственно возможным немецким эквивалентом русского устойчивого словосочетания ‘силы природы’, а иллюстративный пример *alle Angaben ohne Gewähr* ‘точность и надежность приведенных данных не гарантируются’, включенный в словарную статью *Gewähr*, демонстрирует пользователю важную и частотную лексическую составляющую определенного сегмента коммуникации. В данном случае уместным будет отметить, что критерий частотности не всегда должен являться основным параметром включения иллюстративного примера в словарную статью. Так, прилагательное *schussgewaltig* нельзя назвать частотным, однако иллюстративный пример *er ist ein schussgewaltiger Spieler* ‘у этого игрока мощный удар’ раскрывает его функциональный потенциал в спортивном дискурсе.

Богатые возможности раскрытия преимущественно семантической сочетаемости предоставляют так называемые свернутые примеры. С. И. Влахов понимает под такими примерами наводящие слова, приводимые обычно в скобках после соответствующих эквивалентов. Это своеобразные заготовки, на основе которых читатель сам строит иллюстративный пример [Влахов 1988: 76]. На основе скобочного комментария пользователю не составит труда корректно сконструировать не один, а несколько контекстов. Так, например, в случае с прилагательным *gestromt* ‘мраморный’ скобочный комментарий ‘(об окрасе собак и кошек)’ дает конкретные указания о вариантах сочетаемости данного слова, именно таким образом раскрывая его значения. Аналогичным образом дело обстоит и с прилагательным *geschweift* ‘хвостатый’, снабженным иллюстративным свернутым примером в скобках ‘(о небесных телах с метеорным следом)’, и с прилагательным *geschwänzt* ‘хвостатый’ со свернутым примером ‘(о животных, мифологических существах)’. Подобный материал демонстрирует, что свернутые примеры обладают определенными преимуществами по сравнению со сконструированными, потому что позволяют иллюстрировать большее количество допустимых контекстов.

Вышесказанное, однако, ничуть не умаляет значения сконструированных лексикографом иллюстративных примеров, в которых слово помещается в наиболее естественную для него речевую среду. Очевидно, что такие примеры требуют особой внимательности и тщательной проверки, потому что в конечном итоге воспринимаются пользователем как эталон словоупотребления. Одного соответствия функционально-стилистическим параметрам порой бывает недостаточно. Например, в иллюстративном примере *das macht garantiert blöd* ‘от этого точно [наверняка] станешь идиотом’, демонстрирующем употребление наречия *garantiert*, между словарной единицей и предложенным контекстом нет стилистического несоот-

ветствия: и *garantiert*, и *jmdn. blöd machen* относятся к разговорной речи. Пример этот был заменен из других соображений. Дело в том, что по возможности иллюстративный пример должен быть сконструирован таким образом, чтобы в центре внимания для пользователя находилась переводимая словарная единица, а контекст только помогал раскрыть ее семантику, не внося дополнительных созначений, например, лишней эмоциональной окрашенности. Именно эти соображения побудили нас заменить пример на *wie kann ich garantiert im Lotto gewinnen*.

Некоторые иллюстративные примеры являются избыточными. Например, в словарной статье *Gewebe* переносное значение 'паутина' иллюстрируется двумя словосочетаниями: *ein Gewebe von Lügen* 'сеть [паутина] лжи' и *sich im Gewebe seiner (eigenen) Lügen verstricken* 'запутаться в своей собственной лжи'. Первый пример является устаревшим устойчивым сочетанием высокой стилевой принадлежности и может быть включен в словарь, тогда как второе сочетание является типичным примером того, как иллюстративный материал «кочует» из словаря в словарь. При этом его употребительность не подтверждается никакими контекстами. На сегодняшний день это можно верифицировать правильным поисковым запросом. Верным признаком того, что некое словосочетание малоупотребительно или неупотребительно вовсе, является отсылка к словарным статьям различных словарей в нескольких первых позициях ответа на поисковый запрос. Подобные случаи неудачной «словарной карьеры» иллюстративных примеров по-прежнему встречаются в лексикографической практике. Однако можно надеяться, что грамотное использование лексикографом современных поисковых систем позволит в будущем избегать подобных казусов. Это тем более важно при оценке лексикографом релевантности включения в словарь той или иной фразеологической единицы и описании ее значения.

Вышеизложенные наблюдения позволяют подвести промежуточный итог первого этапа работы над академическим немецко-русским словарем, сформулировать вопросы, требующие дальнейшего осмысления, и сделать следующие выводы:

1. Несмотря на то, что двуязычный словарь вынужден решать прикладные задачи, зачастую не имея возможности опереться на апробированную теоретическую базу, он может соответствовать статусу академического словарного издания при условии соблюдения определенных лексикографических параметров. Суть этих параметров требует дальнейшего детального рассмотрения.

2. На пути от простого немецко-русского словаря к академическому авторам и редакторам предстоит работа, которую можно свести к двум основным направлениям, а именно к работе по преодолению возможной неполноты семантизации словарной единицы и ее употребления и к работе по расширению и унификации грамматической, пометной и иллюстративной зон словарной статьи.

3. Обе составляющие работы над редактируемой версией предполагают наличие четкого и простого в лексикографическом применении инструментария, касающегося в первую очередь включения или изъятия лексических единиц, в том числе узкоспециальных и узкорегionalных, отдельных значений слов, свернутых и развернутых иллюстративных примеров.

4. Одним из инструментов, регулирующих включение или изъятие словарного материала основного или иллюстративного характера, является его идеологическая актуализация. Изменение статуса означаемого в общественной жизни и, как следствие, изменение употребительности единицы также являются основанием для сужения или расширения отдельных сегментов словаря.

5. Включение узкоспециальных терминов в словарь академического типа в некоторых случаях может быть оправдано большим терминотворческим потенциалом данного корня и/или терминологическим использованием данного слова в различных предметных областях.

6. Академический двуязычный словарь должен отражать все виды сочетаемости: лексическую, семантическую, грамматическую и синтаксическую. Это возможно только за счет расширения иллюстративного материала разного типа, который должен участвовать в семантизации исходной единицы и демонстрировать условия реализации ее значения за пределами переводного эквивалента.

7. Возможности современных компьютерных информационных технологий, в первую очередь поисковых систем и корпусов, позволяют лексикографу не только быстро верифицировать новые значения и контексты употребления слов, но также прервать неудачную «карьеру» слов и иллюстративных примеров, на протяжении нескольких десятилетий «кочующих» из словаря в словарь.

Литература

- Берков 2004 — *Берков В. П.* Двуязычная лексикография: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2004.
- Влахов 1988 — *Влахов С. И.* Участие иллюстративного материала в семантизации исходной словарной единицы // *Papers from the Euralex Third International Congress. Budapest, 1988.*
- Герд 1997 — *Герд А. С.* Словарное значение слова и смысл // *Актуальные проблемы теоретической и прикладной лексикографии: межвузовский сб. научных трудов.* Иваново, 1997. С. 192—198.
- Добровольский 2013 — *Добровольский Д. О.* Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- НБНС 2008—2010 — *Новый большой немецко-русский словарь: в 3 т. / под общ. рук. Д. О. Добровольского.* М.: АСТ: Астрель, 2008—2010.

- Хавкин 2016 — *Хавкин И. М.* Эта загадочная двуязычная лексикография. Полемиические заметки о том, что делать с неполнотой бумажных двуязычных словарей. 2016. Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero [Электронный ресурс].
- Щерба 1974 — *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974.

Kotthoff 2011 — *Kotthoff H.* Anglizismen sind das neue Imponier-Deutsch. URL: <http://www.zeit.de/wissen/2011-11/anglizismen-wissenschaftssprache>

ZUSAMMENFASSUNG

Auf dem Wege zum Akademischen deutsch-russischen Wörterbuch: auf der Suche nach Instrumenten der Überwindung von lexikographischer Trägheit

Auf dem Wege zum Akademischen zweisprachigen Wörterbuch sehen sich Lexikographen mit zwei Aufgaben konfrontiert: man sollte eine potentielle Lückenhaftigkeit der Semantisierung einer lexikalischen Einheit und deren Verwendung überwinden und die Bereiche Grammatik, Beispiele und Kennzeichnung ergänzen und unifizieren. Dies erfordert ein klares und einfaches Instrumentarium, das Lexikographen zu richtigen Entscheidungen verhilft. Heute stehen Lexikographen elektronische Korpora zur Verfügung, so dass man jederzeit einen unmittelbaren Zugriff auf bis ins Detail ausgearbeitete elektronische Texte hat. Dank diesen Quellen kann man besser als je zuvor den aktuellen, ungezwungenen Sprachgebrauch kennenlernen und ihn dann für lexikographische Zwecke geschickt nutzen.